

Михаил РАХУНОВ

ДЕЖУРНЫЙ АНГЕЛ, ИЛИ 1946 ГОД

Поэма

*Поэт – это судьба;
И без наличья оной
Что есть твои стихи?
– По воробьям пальба,
Один прыжок блохи,
Жужжанье мухи сонной.*

Встреча

От ночного ангела я слышу
Одобренья теплые слова.
Мы в саду среди цветущих вишен,
От весны кружится голова.

Говорим о вечном и высоком,
О Земле всеобщей и ничьей.
Хорошо коснуться ненароком
Белых крыльев у его плечей.

Он пришел с небес, я с ближних горок,
Он высок, я ростом невелик,
Нам быть вместе лет так через сорок
Для него, конечно, это миг.

Позади закат, как ломтик тонок,
Мы идем тропинкой не спеша.
Словно взрослым верящий ребенок,
Семенит за мной моя душа.

Михаил Рахунов — поэт и переводчик. Родился в 1953 году. В настоящее время живет в Чикаго, где в 2008 году вышла его первая книга стихотворений «На локоть от земли». После этого он издал еще ряд стихотворных сборников в России и за рубежом. Переводы Михаила Рахунова печатались в журнале «Интерпоэзия». Стихотворения переведены на английский, французский, польский и вьетнамский языки.

Странный миг. Все призрачно. Все с краю.
Жизнь и смерть — две ласточки во мне.
И неважно, жив я или таю —
Я летаю, чувствуя вдвойне.

Начало

*На картину Эдварда Коли Берн-Джонса
«Ангел, играющий на флейте»*

Под утро где-то там в глубинке,
Где грязь и жалкое жильё,
Играет Ангел на сопилке
Проникновенное свое.

Еще неведомо задание
И крылья сомкнуты во круг.
Густой и темный, как преданье,
Сопилки хрупкой каждый звук.

Он молод — Ангел, если этот
Эпитет вялый применим;
По всем нам ведомым приметам
Он молод, вечен и любим.

С какой-то грустью неземною
Выводит Ангел свой напев.
Проснулся тот, кто за стеною,
Глядит в себя, оторопев.

И этот миг всей жизни равен.
Сейчас он всмотрится во тьму
И вдруг поймет, кто там играет,
Зачем играет и кому.

Смерть

Тень от барака, пилорама,
А дальше снег и черный лес,
И там, где выгребная яма,
В три доски сложенный навес.

Он брел сюда, и снег ложился
На ёжик выцветших волос,
Он письмецом чужим разжился
И табаком от папирос.

И нету сил идти, и память
Рисует давний добрый быт:
Гудит в камине жаркий пламень,
В гостиной стол давно накрыт.

Хозяйка чай приносит, следом
Радужный муж — бисквитный торт.
Как хорошо укрыться пледом,
Забравшись в кресло без забот.

И липкий сон качает, кружит,
И не поднять усталых век...
Все завертелось в снежной стуже:
Хозяйка, гости, юность, век...

Бледнеет ночь, чернеет тело
На белом с проседью снегу,
Холодный ветер сгреб умело
Листок тетради на бегу...

Метаморфоза

Собери себя в мешок,
Обмотайся нитью по наитью,
Совершится — дай лишь срок! —
Это превращенье.
Будет день. И лопнет жгут.
Крылья развернутся полукругом.
И взлетит, немислимый, прозрачный,
Унося шар солнца за спиной.

Полет

Как бабочка из гусеницы тела
Рождается в прекрасной новизне,
Моя душа проснулась и взлетела,
Чтоб стать свободной и не тлеть во мне.

Душа парит, расправив крылья, где-то
Осталась ночь, сияньем смущена.
Все это сон. Но вместе с тем все это
Любого изумительнее сна.

Земля внизу, я вижу все извивы:
Вот горы, реки, села, города;
Деревья сада — уголок счастливый,
Торосы, снег — глухое царство льда.

Я окрылен, и мне понятен сразу
Весь Божий замысел и весь его расчет.
Все вдруг открылось и привычно глазу:
Меняет краски, временем течет.

И пусть одни не призывают Бога,
Другие бьют поклоны горячо —

Я рядом с Ним, я у его чертога —
Гляжу на мир через его плечо.

Ожидание

Хорошо быть богатым — не бедным,
Хорошо быть веселым — не злым,
Торжествующим маршем победным
Гроыхать под шатром голубым.

Улыбаясь жемчужно и звонко,
Хлопнуть друга легко по плечу,
Подколоть — ненавязчиво, тонко —
И прервать: «Я тебе поворчу...»;

Улыбнуться надменной соседке,
Сесть на лавку — и съесть эскимо.
Хорошо быть свободным — не в клетке —
И закончить престижный МГИМО;

Шелестеть бесконечной отвагой,
Пить целебных растений отвар.
И корпеть — как поэт — над бумагой,
И лететь — как герой — на пожар.

Всё прекрасно! А тут только крылья
Полукругом лежат за спиной,
Да безбожных властей камарилья
Всё тягается силой со мной.

Всё шерстит по квартирам бессонным,
Всё дудит в свою злую дуду,
По машинам бросая, вагонам
И людей, и людскую беду.

«Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое...»
Мне — душа, вам — безвольное тело.
Начинай свой спектакль, вороньё!

Противостояние

Дежурный Ангел на крыше дома.
Ему до боли здесь всё знакомо.

Звонят трамваи, гудят машины,
Густеют тени, и запах винный.

Окно открыли. Вспорхнула птица.
Как это сложно — не торопиться!

Подъехал «бобик». Выходят трое.
Блестят погоны. Время такое.

Идут к подъезду. Их взгляд уверен!
Шаги. На третий. Звонок у двери.

Выходят вместе с тем, кто так бледен.
Раскрылись крылья. Прыжок – и в небе!

Удар был быстрым. Обмякло тело.
Такое Время. Такое Дело.

Страхи

Неужели сгорела, истлела свеча
И высокое небо не подставит плечо,
И бросаюсь я в омут уже сгоряча,
Хоть давно на душе, будто лед, горячо.

И потеряны где-то когда-то ключи,
Да и крылья повешены в шкаф на крючок.
Если всюду зима, ты кричи не кричи,
Пропадешь, как от стаи отставший волчок.

Но ночами я все-таки в небе лечу,
И расправлены крылья, звезда на плече.
Только утром за эту свободу плачу,
Подставляя ладони оплывшей свече.

Неужели сгорела, истлела свеча
И уже не журчат по оврагу ключу,
Не открыть мне замок, не найти мне ключа
И закрыты уста – я кричу, не кричу.

Окрыленный

Вырастают крылья за спиной,
Что ты снова делаешь со мной?

Возвращаться в горние пределы
Я, Всевышний, вовсе не хочу;
Дай испить до капли свет твой белый,
Постарайся не тушить свечу.

Будет время – призовешь, не спору.
Дам ответ на каждый твой вопрос.
Разрешить лишь радости и горю
Бить наотмашь, доведя до слез.

Господи, меж небом и землею
Выбрал Землю я не для венца,
Не затем, чтоб царствовать с тобою,
Обжигая души и сердца,

Но затем, чтоб плотью человеческой
Ощутить себя в твоей горсти,
Возложив земную жизнь на плечи,
Её суть и самость обрести.

И когда твой замысел пойму я
И устану жить среди людей,
Я вернусь с трехкратным «Аллилуйя!»,
Окрыленный мудростью твоей.

Последний взгляд

Я по-преступному тучен,
Я по-преступному вечен,
Жить среди смертных обучен —
Очеловечен.

Спрятаны крылья в чулане,
Спят в темноте под холстиной,
Вытащу их, если станет
Невыносимо.

Мысленно кривду и скверну
Я обвиняю нечасто:
Хочется мне опровергнуть
Экклезиаста.

Выйти из тени на площадь,
Встать пред судьбой на колени —
Что может выглядеть проще,
Обыкновенней...

Возвращение

Душа на часок отделилась от тела
И мир неземной описать захотела.
Она там жила, в ярком свете купалась.
И нет ничего.
Ничего не осталось.
Есть краски и кисти, журчание слова...
Но память ушла —
Первооснова.